

ГЕРОЙ и КАМЫШНИЦА

Погожее июньское утро. На ежедневной прогулке мой энергичный молодой ягдтерьер, струной натянув поводок, азартно ринулся в прибрежные кущи и в мгновение ока с лаем «вывел на чистую воду» целое, как мне показалось, утиное семейство. Семь чёрных пуховичков, хлопая хилыми зачатками будущих крыл и шлёпая полупрозрачными ластами, с истеричным писком выскочили на чистину и в панике принялись искать другое подходящее укрытие от напугавшего их чудища, которое в их глазах, читай они Третьяковского, в точности подходило бы под классическое описание: «обло, озорно, огромно, стозезво и лаййй». Ужас! Матёрная всполошилась и, следуя врождённому инстинкту, театрально, как могла, стала изображать на воде «умирающего лебедя», тем самым жертвенно «вызывая огонь на себя» – мать есть мать. Да и инстинкт ли это внешне осознанное яркое проявление родительской любви и заботы?!

Продолжалось такое вынужденное представление с минуту, и я успел разглядеть, что вовсе это не утиный выводок, а семейка болотных курочек камышниц, относящихся к отряду пастушковых. Распознать было легко по красной бляшке на лбу и по чёрному матовому окрасу оперения. В дополнение – острый куриный клюв, тоже красный, в отличие от белого у лысухи, с которой их легко перепутать.

Излюбленные места обитания камышниц именно труднодоступные густые заросли тростника и осоки по берегам озёр, прудов, стариц и заводей.

В таких крепях они ведут крайне скрытный образ жизни, таясь от посторонних глаз – отсюда и название. Здесь же, в черте города, курочки мало-мальски притерпелись

к назойливому присутствию человека и уже не столь застенчивы. Соблюдая осторожность, за ними можно понаблюдать, примечая характерные особенности.

Болотные курочки превосходно бегают не только по земле, но и «по воде аки по суху», акробатически лазают по веткам и стеблям, прекрасно плавают и ныряют. При опасности они с разбега поднимаются на крыло, но не асы: такие вынужденные полеты прямолинейны, медленны и непродолжительны. До слёз умильно видеть как заботливая мамаша, набрав сочной ряски, из клюва в клюв подкармливает своих желторотиков. Такой еды вволю и без того, но «из маминых рук» вкуснее...

Тем временем утята (или цыплята?) забились-таки в зыбкий островок редкой осоки, торчащей на мелководье, и затихли. Крепость невесть какая, ну да не до перебора.

Чадолубивая курочка несколько успокоилась и, характерно подёргивая шейю, как бы кланяясь, ритмичными гребками уплыла на широкое, подальше от берега. Уже оттуда подавала она затаившимся чадам дальнейшие наставления сердитым голосом, действительно похожим больше на хныканье и квохтанье, чем на утиное кряканье, – «гроза» ещё не миновала...

Подобные сцены приходилось неоднократно наблюдать и раньше, явление распространённое, и не только в среде водоплавающих. Отводя от потомства нависшую угрозу, подобным образом фальшиво умирают и тетёрки, и самки глухаря копалухи. Нередко и погибают, так что страсти не картонные, а самые что ни на есть настоящие.

Но почему-то именно в этот раз в груди особо проявилось щемящее чувство сопереживания этому самоотверженному

пернатому существу, при необходимости без малейшего сомнения готовому отдать жизнь за своих ещё совсем несмышленных детёнышей. И это дорогого стоит.

А удастся ли сердобольной утице своих птенцов сохранить, выпестовать, поставить на крыло? Трудно!

Враги со всех сторон, куда ни глянь: oprичь хищных ястребов и коршунов, те же чайки и вороны; зубастая щука; хорьки, лисы, одичавшие (а то и домашние) кошки, собаки... Всепожирющие огненные палы, бессмысленные и беспощадные. И, наконец, человек с ружьём, отнюдь не тот, которого не нужно бояться...

Когда-то я написал стихотворение «По перу», где есть такие строки:

...Снаряжу патроны мелкой дробью,
По перу которая подстать,
И на этом попроще попробую

Поутру удачу испытать.

В предрассветных сумерках из дома

В поле, в лес и, что ни говори,

До чего приятная истома –

Предвкушенье утренней зари!

Я и теперь готов подписаться под каждой строчкой, но...

В августе традиционно откроется сезон охоты на пернатых. Нынче я впервые за последние тридцать пять лет не буду брать пугавку – стало жалко убивать.

Похоже, старею...

Ну, а молодой Герой (кличка моей собаки) долго еще пристально вглядывался в камыши, тянул носом, нетерпеливо повизгивал, переминаясь лапами и строча куцым хвостиком, демонстрируя готовность по первой команде броситься в воду и усердно доказать преданность и сентиментальному хозяину, и своему предназначению.

«ОДНАЖДЫ В СТУДЁНУЮ...»

Произошло это в начале восьмидесятых, еще благословенных доперестроечных.

Зима была в апогее – снежная, холодная, по-настоящему русская, без подмеса нынешней гнили и сырости с Атлантики, когда не пойми что. Суровая зима – это всегда испытание на прочность, выносливость, умение сопротивляться или приспособливаться, словом – на выживание. Засветло наклевавшись мёрзлых берёзовых почек, тетерева прямо с деревьев отвесно занырявают глубоко в рыхлый сыпучий снег и, угнездившись поудобней, коротают там длинные морозные ночи в условиях относительной сытости и какого ни на есть уюта.

Наторенные в, казалось бы, непролазных сугробах кабаньи тропы, похожие на траншеи, облегчают этим животным передвижение в неустанных поисках скудного пропитания и укромных мест отдыха, где они, сгрудившись, обогревают друг друга своими телами и дыханием.

Подводные обитатели (по-теперешнему, на казённо-суконном языке «водные биологические ресурсы»), прости Господи) стаями концентрируются в непромерзаемых речных глубинах, цепенеют в ожидании перемен к лучшему, с трудом преодолевая недостаток тепла, света, кислорода.

Седая пора глухозимья... Но человеку даже в такую пору не сидится в четырёх стенах! Особенно неистребимо это у охотников и рыболовов: тянет, зовёт, неодолимо манит то, чему чаще всего и не ищут логического объяснения, ссылаясь на расхожее «охота пуще неволи», чем и раскрываются якобы тайные пружины подобной непоседливости.

Кстати, в этом устоявшемся и часто не к месту употребляемом выражении «Охота» – вовсе не означает промысел, процесс добычи дичи, как принято думать, а «неволя» – отнюдь не заключение в узилище, не лишение свободы. Здесь охота – хотение, желание, стремление совершить нечто по

доброй воле, а неволя – принуждение, от глагола «неволять», заставлять делать не по своей воле. Ну и, соответственно, первое «пуще» сильнее второго, так как по собственному желанию всё делается охотнее, чем по принуждению. Ну, это так, к слову.

Так вот, в один из таких глухих дней потянуло и меня на реку, на зимнюю рыбалку, и никакие резоны – двадцатиградусный мороз, толстый лёд, многоснежье – уже не могли повлиять на принятое решение – вперёд!

...Вначале пришло разочарование: лунки быстро замерзли, леска стекленела, кивок не пружинил. Длины шнека едва хватало пробурить почти метровую толщу панциря – после третьей попытки спина была мокрой, лоб покрылся испариной, плечи ныли. Ещё не всё! Каракат, мотыль, червь, опарыш – всё тщетно! Обычно щедрая и радушная Ипать на этот раз оказывала более чем прохладный приём – ни поклёвки. Зато природа! Вокруг была поэзия.

Ажурно покрытые инеем деревья, в своем убранстве похожие на огромные кораллы, затмевали необычайной белизной всё самое белое, что только можно представить. Даже зелень хвои не просвечивалась сквозь этот плотный слой искрящегося на холодном солнце серебра, прихотливо изукрашившего щетинистые ветки сосен и лапы елей. Ветер ещё накануне смиренно затаих и робко затаился, боясь малейшим дуновением потревожить устоявшееся равновесие и тем разрушить неосторожно эту хрупкую чарующую красоту. До хруста сухой морозный воздух перехватывал дыхание, от пронзительной тишины звенело в ушах, смотреть было непривычно от обилия яркого света, заполонившего всё вокруг...

Нет, в глазах не меркло от снежной слепоты, и слюна не застывала в воздухе, превращаясь в ледышку не долетев до земли, но казалось, что это именно и есть то самое пропитанное романтизмом белое безмолвие, о котором читал когда-то у Джека Лондона – величественное, торжественное, невозмутимое.

Несмотря на бесклевье, не хотелось спешить домой, до срока окунуться в светлую и шумную прозу городской жизни. Я собрал хворост, притоптал площадку на берегу, распалил костёр и стал жарить сало на прутике. Возбуждая аппетит, вперемешку пряно запахло дымом, смолой, свежиной с луком, крепким чаем из термоса. Состояние покоя и умиротворённости странным образом передалось и мне, позволив хоть на короткое время почувствовать себя так же благостно, отрешённо от повседневно гнетущих забот, проблем, неприятных переживаний. Чудесные, редкие минуты. Обижен, обделён, кто не испытал подобного.

* * *

Его появление застало меня врасплох. По всем статьям это был кобель – западносибирская лайка – крупный, пепельно-серой масти, с мощной грудью и мускулистой шеей. Умные глаза, острые уши и хвост-завитушка – само собой разумеющиеся атрибуты этой породы, главными достоинствами которой служат неуёмная страсть к охоте, бесстрашие и молниеносная реакция в схватке со зверем, неприхотливость и живой подвижный характер. Мельком перехватив мой настороженный взгляд, нежданный гость, приветливо качнув хвостом, с пониманием деликатно отошёл в сторонку, пышно пошатываясь. Облюбовав местечко поодаль огня и удушливого дыма, он, как умаявшийся за день трудяга, устало свалился на снег, положил голову на вытянутые лапы и облегченно вздохнул, как вздыхают, когда всё уже преодолено, когда самое трудное позади.

Пошевелив костер, я уселся на рыболовный ящик в ожидании – не заявится ли следом и хозяин четвероногого красавца, не прозвучит ли вдали выстрел, не покличет ли кто заплутавшего в снежных просторах друга? Нет, тишина.

Невзирая на втянутый живот и впалые бока, от предложенного хлеба «их благородие» высокомерно отказался – не бродяга, не божж помойный. Кусочком сала оскоро-

мился, но не жадно, не с голодной алчностью, а степенно, как подобает воспитанному псу, после чего занялся личной гигиеной: стал сосредоточенно выгрызать снег и наледь меж пальцев и с подушек лап.

...Тени на снегу посинели и заметно удлинились – зимний день короток, пора собираться. Решив прогреть двигатель, я открыл дверь автомобиля и... едва удержался на ногах. Пёс как будто только и ждал этого момента.

Он стремглав заскочил в салон «Запорожца» и бесцеремонно уселся на пассажирское кресло. Ну, и? – никакого раскаяния в шальной выходке, сидит, как ни в чём не бывало. От такой наглости я несколько опешил, но смирился: не гнать же на мороз бездомного, бесхозного, доверчивого. Так и быть, поехали!

Так мы познакомились, и пёс стал жить у меня. Новосёл быстро обвыкся: живо отзывался на кличку Амур, имел завидный аппетит, покладистый нрав, но терпеть не мог ошейник и упрямо сбрасывал его передними лапами с короткой борцовской шеи. Никто не разыскивал ценную пропажу, да и сам Амур не очень-то парился по этому поводу, не тосковал по прежнему хозяину, по дому. Во всяком случае, внешне это никак не проявлялось.

Мы сдружились, но, как оказалось, ненадолго.

* * *

В ту зиму мой бравый «Запорожец» не вынес выпавших на его долю перегрузок. Укатали Сивку крутые горки – полетела коробка передач. Поломка серьёзная, не лампочку поменять.

По сроку эксплуатации автомобиль всё ещё находился на гарантии и, как было заверено синим штемпелем в сервисной книжке, для быстрого и бесплатного ремонта его нужно было гнать в областной центр на специализированную станцию техобслуживания. Задача...

Разузнать что пошёл я отправился на рейсовом автобусе, належке.

За распахнутыми настезь воротами автосервиса с утра натужно трудился грейдер, расчищая территорию от завалившего её снега. Внутри просторного двора тракторок отгарнывал сугробы поближе к забору, вдоль которого плотными рядами дожидались своей очереди на «скорый и бесплатный» ущербные дети отечественного автопрома: жигули, москвичи, такие же, как у меня, запорожцы – калеки, нуждающиеся в срочной реанимации. Судя по тому, что большинство машин было заживо погребено под грязными сугробами, нетрудно было догадаться, что обещанная помощь к ним явно запаздывает, а если и придёт, то не раньше, чем растает снег. С грустной думой о вероятно такой же участи и моего «горбунка» я, крепя сердце и лелея надежду, направился-таки к директору станции для переговоров.

Хамоватый стиль общения тёртого директора с посетителями выработался годами и был не оригинален. Все к нему обращавшиеся условно делились на три категории: кому нужно угодить, кто ему угодил и на оставшееся в сухом остатке большинство (это их «кони») подпирали забор, ржавея под толщей снега).

Переговоры меня не воодушевили: запчастей нет, запись по очереди, много вас таких и «да жалуйтеся кому угодно» вместо «до свидания». Пав духом, я направился к выходу, утешая себя тем, что не приволок сюда полуманый «зэпор», а то было бы ещё досадней.

– Минуточку! – услышал я в последнюю секунду перед тем, как хлопнуть дверью. – Вы, кажется, из Шумячей?

– Нет, из Рославля, но это совсем рядом. А что?

– Охотник?

– Да, охотник.

– Так, так, так, – суетливо затоковал директор, что сулило надежду смены гнева на милость. – Э, э-э, вернитесь, пожалуйста. Вот какое дело... Присядьте!

Собравшись с мыслями, он, как умел, обстоятельно посвятил меня в суть своих интересов:

– Недели две-три тому как – не больше – был я у вас в Шумячах на охоте, друзья пригласили. Деревня Краснобылье, Краснозаворье... – сморщив лоб, пощёлкал в воздухе пальцами, припоминая.

– Краснополье, – подсказал я.

– Да, да! Вы знаете где? Прекрасно! Именно в тех краях. И взял с собой собаку – не свою, отцовскую. Отец у меня настоящий охотник, полковник и... как бы это... строгий человек, старой закалки, требует дисциплины, беспрекословного подчинения. Собаку я взял без разрешения, на свой страх и риск – отец уехал подлечиться ну и поручил мне уход, кормление, всё прочее... В общем, собака, как назло, пропала. Погналась за кем-то в лесу и с концами. Мы ждали, звали, ездили, искали – бесполезно, как в воду канула. Друзья обещали поискать ещё, но пока безрезультатно. Отец со дня на день приезжает, что ему говорить – не знаю. Представляю, какой будет скандал – он в своём Амуре(!) души не чаёт... Может, спрашиваете там у местных, а вдруг? А я со своей стороны...

– Какой породы собака, приметы?

– Здоровая лайка, самец... или как там... Серый. Да у меня и фотография... – «Охот-

ник» полез в ящик стола. – Вот, посмотрите, чем чёрт, как говорится...

На карточке рядом со статным пожилым человеком в высокой офицерской папахе стоял тот, кого я и ожидал увидеть – Амур. Дважды Амур – не узнать было невозможно.

Переговоры перешли в другую фазу, консенсус был достигнут.

...На следующий день на буксире «Запорожец» был доставлен к месту ремонта. С комфортом, сидя в салоне на пассажирском месте, в нём прибыл и «без вести пропавший» – живой, здоровый, без изъяна к вящей радости директора. Оказавшись в центре внимания и чувствуя важность происходящего, Амур трогательно по-собачьи проявлял свою приязнь то одному, то другому хозяину: радостно вилял хвостом, тёрся о колени, переминался, поджимая уши и виновато заглядывая в глаза. На прощание я дружески потрепал его по холке.

...При желании каждый, наверное, мог бы вспомнить свою такую историю, в которой совершенно случайное стечение обстоятельств приобретает настолько невероятный характер, что остаётся только качать головой и удивляться: ну и ну, бывает же такое! А между тем в жизни чего только не случается, уж вы мне поверьте.

ОХОТА ВО ВСЕ НЕ ЗАБАВА

Сколько раз здесь бывал, всё исхожено вдоль и поперёк, и вот на ж тебе – заблудился! Леший попутал, не иначе.

Часа полтора проплутав от делянки к делянке, я пошёл по песчаному руслу пересохшего лесного ручья, пересёк глубокий заросший ежевичником овраг и вышел на совсем уж незнакомое мне место. И тут я заметил человека. Тот, заранее обнаружив меня по хру-

сту ломающихся под ногами веток, не стал прятаться, но и не окликнул – просто настроженно ждал, когда я приближусь.

На приветствие он сухо ответил кивком головы, не скрывая лёгкого раздражения от присутствия постороннего. Внимательно оглядевшись, я окончательно убедился, что никогда раньше не заходил в этот глухой угол леса. На пологом сухом косогоре, редко по-

росшем молодыми дубками и густо осинником, в первую очередь внимание привлекал высокий, в рост человека деревянный крест, сработанный топором, но так ладно, что топорной работу не назовёшь. Под аккуратным жестяным козырьком в рамочке со стеклом на кресте висела фотография молодого парня. На приземистой лавочке возле креста лежал выцветший рюкзак. Всё это было неожиданно и показалось странным, что, очевидно, и отразилось на моём лице. В растерянности я не нашёлся, как завязать разговор: задавать лишние вопросы в этом партизанском крае не принято искони.

Заметив мое замешательство, незнакомец – седой мужчина лет пятидесяти – смягчился и снисходительно обратился первым:

– Мир тесен. Расслабься, мил-человек, – всё ничего. Присядь вот, помянем сообща, как полагается по русскому обычаю, – указал он на лавочку, забирая с неё рюкзак. В движениях его чувствовалась основательность, в голосе властность, внутренняя уверенность в себе, присущая людям, крепко стоящим на ногах.

– У вас здесь кто-то похоронен?

– Не похоронен. Смерть здесь принял мучительную, какой лютому врагу не пожелаешь... Сын, царствие ему небесное, Юрий... – глаза отца повлажнели, он перекрестился. – Да ты присаживайся, в ногах, сам знаешь...

Из развязанного рюкзака была извлечена бутылка водки, нехитрая снедь. Пили не чокаясь. После третьей стопки Егор, как он представился, указал на обрушенный вход в барсучью нору, по всем приметам уже не жилую, давно заброшенную:

– Вот тут всё и случилось, – и он неспешно, время от времени с волнением затягиваясь сигаретой и подыскивая нужные слова, поведал историю, которая и легла в основу дальнейшего повествования.

* * *

Юрка был добытчиком, каких мало. Охота служила ему не пустой забавой, не «утехой

для мужчин», как пишут иногда в своих журналах городские приверженцы Артемиды, не развлечением, как для большинства великовозрастных балбесов, стреляющих по сойкам да по пустым бутылкам, – охота Юрку кормила, и в этом он превзошёл всех мужиков-односельчан, пробавляющихся ружьём несерьёзно, от случая к случаю. Мех бобра норки, выдры, куницы, да даже лисы и енота на чёрном рынке у скорняков пользовался спросом и был в цене, что позволяло не только сводить концы с концами, но и безбедно, по местным меркам, существовать. Дичина – солонина, тушенка, копчености – в доме не переводилась, и присловье «дым густой, обед пустой» было не в чести. Опять же рыбалка – тоже подспорье, ещё какое! Правда, вразрез существующим правилам, в нарушение закона... Риск? Совесть? Юрка даже и не заморачивался на эту тему, а просто привычно делал своё дело, и всё у него было шито-крыто, всё сходило ему с рук: ни разу он не попался, ни разу не заплатился. Дерзким и ловким фортуна благоволит, делая их ещё и удачливыми. До поры...

* * *

Однажды, уже в зазимок – лежал небольшой снежок – Юрка не вернулся из леса ночевать. Такое случалось и раньше: то лося разделявает, припозднится, то зайдёт в дальний край угодий, не успевает с капканами засветло – ночевать в лесу не в новинку: топор с собой – костёр пожарче, лапник под бок – не пропадешь! Да и что может случиться в своём лесу, знакомом Юрке с детства, куда он заходит хозяином! Именно «своём», потому что и начинается-то лес сразу на задворках, в конце огорода, и тянется... – пешком не обойдешь за сутки, ни за двое. Но когда под утро во двор прибежала Юркина собака, а сына всё не было и не было – Егор почуял неладное. Да и поведение собаки было каким-то странным, внушало тревогу: она то возбуждённо лаяла, привлекая вни-

мание, то жалко опускала голову, как бы вина, что сделала что-то не так, неправильно, за что точно не похвалят...

Ягодка появилась у Юрки года три назад забавным кутёнком, озорным и игривым, но уже со всеми задатками незаменимого помощника на охоте. Еще в полуторамесячном возрасте – молоко на губах – она азартно раскопала, учуяв, крысиное гнездо под стоявшим во дворе верстаком и передушила весь выводок пасюков, подчиняясь врожденному инстинкту норного охотника.

Кличку щенку выбирать долго не пришлось: два ведра черники в уплату за славного крепыша с характерным для ягдов окрасом и загодя купированным хвостиком подсказали верное решение, подчёркивающее и название породы, и пол, и цену вопроса – Ягодка.

– Ягда, Ягда, фьють-фьють-фьють, – посвящая, позвал Егор как можно ласковей, – собака неохотно давалась в руки, признавая за хозяина лишь Юрку. Та подбежала поближе, позволив разглядеть себя получше. Отсутствие ошейника и в кровь искусанная морда псины с запекшимися бурыми пятнами на брылях навели Егора на пугающую догадку: с сыном беда. Сердце у отца упало.

* * *

Егор спешил. На схваченном с ночи легким морозцем снегу легко просматривались и вчерашние следы от Юркиных сапог с глубоким «тракторным» протектором, и неглубокий собачий наслед, челноком петляющий вдоль основной тропы. Егор старался по возможности сокращать путь, напрямую срезая частые Юркины отклонения от маршрута, вызванные то случайным препятствием вроде сырого болотца или поваленной поперёк сучковатой сушины, то изучением изредка встречающихся на белой тропе звериных следов, не оставленных без пристрастного внимания молодого охотника.

Хорошим ориентиром служила Ягодка, мелькающая среди деревьев, забегающая наперёд и потом, как бы с пониманием, до-

жидаящаяся спешащего за ней человека, то и дело останавливающегося перевести дух и вытереть с лица солёный, разъедающий глаза пот.

По пути Егор вспомнил, как накануне сын сдержанно, как бы между прочим, похвастался, что отыскал жилое барсучье убежище в отдалённом, редко посещаемом квартале лесных угодий, но не решился, пожалев, запускать в нору собаку, ещё ни разу не приравленную на обладателя мощных когтистых лап и острых зубов. Кажущийся неуклюжим увальнем на поверхности, в глубине родного подземелья, где и стены помогают, барсук, как правило, оказывает ожесточенное сопротивление любому агрессору, посягнувшему на его территорию.

Мысленно перебирая возможные причины Юркиной задержки – перехватили егеря, сломал ногу, неосторожно ранил себя, – Егор старался даже мысли не допускать о самом страшном, самом плохом, непоправимом, оставляя шанс на желаемый благополучный исход дела: даже если что-то и произошло, вот сейчас подоспеет его отцовская помощь, и всё разрешится самым чудесным образом, всё станет на своё место, войдёт в нужное русло. Главное – успеть.

– Юра-а-а!!! – в лесной тишине в морозном воздухе крик Егора прозвучал неожиданно и резко. В ответ напуганные сойки осыпали его своими проклятиями и уже не отстанно сопровождали назойливым стрекотанием, оповещая окрест о вторжении постороннего.

Очередной раз забежавшая наперёд Ягодка взлаяла невдалеке азартно на высоких тонах, и, с трудом вскарабкавшись по скользкому крутому склону оврага, дополнительно гнетущего своей мглой и затхлостью, Егор устремился на её голос. То, что он увидел, повергло его в шок, безжалостно разрушив все предыдущие надежды, парализовав волю. Собака отчаянно, как на дичь, лаяла на неподвижно торчащие из тесной лаза в подземное углубление ноги, обутые в сапоги

с знакомым протектором. Рядом на рюкзаке лежал Юркино ружьё...

На ясном, почти безоблачном небе ярко играло уже полдневное солнце, деревья красовались в искрящемся серебристом инее. Но всё это померкло в глазах Егора, да и всё окружающее пространство сузилось для него до кошмарной картины торчащих из норы неподвижных ног сына.

Сознание Егора на мгновение помутилось, колени его подкосились не столько от физической усталости, сколько от тяжести насевшего на плечи непоправимого. Ужас, горе и отчаяние овладели им, и даже не крик, а дикий, истошный, раздирающий душу вопль вырвался из груди несчастного отца.

– А-а-а! – не переставая в испуге кричал Егор, голыми руками разрывая мёрзлую, плохо поддающуюся землю, не обращая внимания ни на боль, ни на выступающую из-под содранных ногтей кровь. – А-а-а!

Ягодка, не понимая до конца, какая страшная трагедия приключилась с её хозяином, но по-собачьи осознавая, что и ей тоже нужно что-то делать, чем-то помогать, принялась, поскуливая, тоже копать, но только лезла Егору под руку и тем самым мешала. Несколько раз тот отталкивал и даже отшвыривал помощницу, и, наконец, обезумевший в припадке гнева, обозленный на, как ему казалось, виновницу всего случившегося, схватил с рюкзака Юркино ружьё и в упор разрядил в Ягодку стволы, спустив сразу два курка.

Гром сдвоенного выстрела вернул Егора к реальности: он отбросил ружьё, рухнул на землю, обхватил дрожащими руками окоченевшие ноги сына и, уткнувшись в них лицом, дал волю слезам, горько зарыдав, судорожно всхлипывая и крупно вздрагивая плечами.

* * *

Как заядлый охотник, Юрий, конечно же, вернулся к обнаруженной им барсучьей норе. В сезон добыть заплывшего салом

барсука всегда считалось великой удачей: полведра ценнейшего целебного жира, хитрым образом вытопленного из упитанной тушки несчастного заложника народной медицины, даже по заоблачным ценам уходило влёт, серьёзно пополняя бюджет добычливого счастливица.

В очередной раз внимательно обследовав укромное место поселения, следопыт наспех заткнул своей ватной курткой секретный запасной лаз, устраиваемый барсуками на случай вынужденного ретирования, и, взяв на изготовку ружьё, решительно отстегнул ошейник с рвущейся в бой Ягодки. Ягдтерьер, с присущей этой славной породе злобой и страстью, ринулся в нору, где тотчас встретил яростный отпор загнанного в угол зверя, вес которого, случается, достигает полутора-двух пудов.

Завязалась дуэль: из жерла норы доносились звуки ожесточённой борьбы. Непытная Ягодка, «на чужом поле» впервые повстречавшая достойного, а то и превосходящего её силой и сноровкой противника, явно не справлялась с задачей: надо было либо своим напором выдавить, выгнать барсука под выстрел хозяина, либо задушить зверя в норе и вытянуть наружу. Время шло. Подземный поединок не прекращался, о чём свидетельствовали лай и рычание, то периодически стихающие, то возобновляющиеся с новой силой. Одно время казалось, что собака, пятясь задом, упорно продвигается к выходу, рывками волоча за собой поверженного противника. И что она уже совсем близко.

На всякий случай притулив на рюкзак заряженное, готовое к выстрелу ружьё, охотник решил сам полезть на подмогу, попытаться руками дотянуться до собаки и вытянуть её вместе с добычей, в которую норники цепляются мёртвой хваткой. Сухопарый, без верхней одежды, он легко протиснул гибкое молодое тело во входное отверстие. В норе было тесно, душно и темно. Упруго упёршись ногами в землю, Юрка с усилием, толчком,

насколько можно, продвинул корпус тела вперёд, держа вытянутые руки перед собой, и тут...

Набрякший осенней влагой полутораметровый слой грунта над распластанным горизонтально телом человека, беспомощно растянувшимся во всю длину, тяжело осел, придавив голову лицом в сырой песок, гнётом сковал, обрекая на неподвижность, находящиеся внутри коварного лабиринта руки, шею, плечи, грудную клетку, сделав непосильным желание высвободиться из плена удушающих объятий сырозёма...

Ягодка выбралась на волю не скоро, вслед за хозяином норы, проложившим путь на свободу через небрежно заткнутый ватником резервный лаз.

Весь вечер и долгую ночь прождав недомевая, что произошло, она, подчиняясь одной ей понятной логике, побежала домой. Увы, к гонцу, принесшему недобрую весть часто бывают немилосердны...

Когда Юрку хоронили, голова у него была седая, как и у его убитого горем отца, шедшего за гробом.

ПИЦЦА БОГОВ

Вся Пашкина библиотека легко умещается на небольшой настенной полочке, изготовленной им собственноручно давным-давно, ещё школьником. Неровным строем, вовсе не по ранжиру, на фанерной дощечке угнездились, пылясь и ветшая: фолиант популярной энциклопедии «Природа Белоруссии», несколько потрёпанных томиков альманаха «Рыболов-спортсмен», сборник ранних рассказов Чехова...

Сюда же затесался справочник по ремонту автомобиля «Запорожец». Ну и ещё несколько книжек, абсолютно разрозненных как по содержанию, так и по степени сохранности. Чувствуется, что безалаберный хозяин коллекции – книголюб так себе: не слишком ценит своё собрание, не заботится о концепции его процветания.

Но имеется у Пашки одна небольшая книжица, пользующаяся его особым вниманием: стихи местного поэта, изданные в дешёвой мягкой обложке, на внутренней стороне которой красной пастой манерно-размашисто, с витиеватыми росчерками написано: «Павлу Устиновичу – истинному мастеру приготовления ухи в знак признательности от автора».

И подпись. Тоже витиевато-неразборчивая – видимо, витиям так положено.

Вообще, Пашка стихов не любит, ещё со школы, когда чуть не каждый день давали зубрить длинные басни, занудные отрывки из поэм, отдельные стихотворения из школьной программы. Скука! Но эту, так уважительно подписанную лично ему, Павлу Устиновичу, книжку, он прочитал. Прочитал внимательно, не спеша, с неподдельным интересом вникая в суть содержания. А одно стихотворение, наиболее понравившееся, даже постарался и, сам от себя того не ожидая, заучил наизусть – добровольно, без какого-либо нажима и принуждения. Особенно за живое зацепили строки:

Дымок рыбацкого костра
Развеет сердца смуту –
Любовь к земному так остра
В подобную минуту...

Как тонко подмечено! И красиво сказано, душевно...

Частенько Пашка, несколько тушуясь, декламирует это полюбившееся ему стихотворение в случайных компаниях. Многие слушатели умиляются, некоторые удивляются, а кое-кто даже аплодирует.

Пашке нравится...

А между тем небезынтересно предостория такого подарка, неожиданным, хоть и с запозданием, пробудившего у человека тягу к прекрасному.

* * *

Давно уже Пашку должно было бы звать-величать по имени-отчеству – мужику за сорок, голова плешивая – да маленькая собачонка всю жизнь щенок. Вот и Пашка – невысокий, шустрый, по-пацански живой, подвижный, глаза озорные – ну никак не дотягивал до статуса Павла Устиновича. Да он и не сожалел – было бы о чём! Главное, как работника (а числился Пашка сторожем на городской базе отдыха) его ценят, доверяя подчас довольно деликатные и ответственные поручения, не входящие в круг его непосредственных обязанностей. И ни разу он руководство не подвёл, не опростоволосился.

Вот и на этот раз... Близился один из летних профессиональных праздников, намечалось отметить его торжественно, с размахом, по заранее утвержденному сценарию: чествование передовиков, концерт самодеятельности, конкурсы, спортивные соревнования – затей хватало. Ну и неформальное общение. Накануне мероприятия на базе царила суета: подметали, чистили, красили... В общем, как обычно – аврал. Пашке, кадру проверенному, от завбазой поступило персональное задание: начальство по случаю профессионального праздника возжелало откусать ухи из свежей рыбы – тройной, настоящей, и чтобы обязательно на костре, с дымком, с угольком. Не подкачай, Паша! А тот и рад стараться в очередной раз продемонстрировать талант. А то! Дело привычное, чего уж там.

В воскресенье он с раннего утра засучил рукава. А ждали его великие дела.

Перво-наперво жухлой осокой и мокрым речным песком – без всяких там «Ферри», «Сорти» и прочих «пемолюксов» – до блеска была отдраена двухведерная алюминиевая кастрюля – уже традиционное местиле предвкушаемой «тройной».

Не менее беспошадно подверглись подобной экзекуции по дюжине деревянных мисок и ложек – чем и из чего вкушать обжигающую губы жижицу имело архиважное значение и не пускалось на самотёк.

Воды для ухи Павел набрал самой что ни на есть чистойшей, речной... Ну, относительно чистой... Короче: зачерпнул на чистине стараясь, чтоб без песка и ила, попрозрачней – где её, хрустальную, сейчас найдёшь?

Костёр разгорелся споро, сухие берёзовые и ольховые поленья сослужили добрую службу – сразу дали жар. Пока вода закипала, дошла очередь до основного ингредиента: рыба-разносортница – лещ, щука, окунь, плотва, даже несколько линей и карась – была хитрым и таинственным образом поймана заранее, накануне. В мокром мешке, переложенная крупнолистой жгучей крапивой, совершенно свежая (бронзовые лини и карась еще дышали и изредка трепыхались) рыба безропотно дожидалась своей неминуемой участи.

Возвышенное романтическое перо, конечно, описало бы незамысловатую Пашкину стряпню особо красочно, как некое таинство, действо, ритуал, как необычную церемонию приготовления изысканного яства по хитроумным старинным рецептам. Или же как колдовство, доступное не каждому.

На деле всё выглядело гораздо прозаичней. Без всякого камлания «кудесник» сноровисто почистил и выпотрошил рыбу, отобрав на отдельное блюдо полупрозрачные пузыри и щучьи печёнки; затем удалил жабры и тщательно прополоскал тушки. Весь запас разделил на три части: крупных щук и лещей порезал на порционные куски, отделив головы и хвосты, средних по размеру линей и карася оставил целиком, а оставшуюся мелочёвку – плотву, окуней, красноперок – вместе с щучьими головами и хвостами завернул в широкую, специально для этого приготовленную марлю. Вот этот марлевый узелок со всем содержимым и был незамедлительно отправлен в начинающую закипать кастрюлю минут на десять с последующим извлечением – первая порция. В воздухе

вперемешку с едким дыком стал обоняем тонкий аромат будующей ухи, легко уловимый, но трудно передаваемый. А ведь ему предстояло как минимум утроиться!

Не забыл предусмотрительный Пашка ни про картофель (положил вовремя, со второй партией рыбы, чтобы не совсем разварился), ни про соль (три столовых ложки с горкой), ни про специи, ни про цибулю с зеленью – всё у него было заранее приготовлено, разложено по полочкам, отшлифовано до мелочей. И главное – душа: приготовленное с душой обречено на успех! Правда, водка... Водка, отмеренная в стограммовый гранёный стаканчик, в уху на этот раз так и не попала: её, родимую, Пашка «усугубил» единолично, оправдав свой поступок соображением, что такая «плипорция» в общем котле погоды не делает, а ему – за труды – самое то.

* * *

Стол для начальства сервировали по высшему разряду в тенистой уютной беседке на крутом живописном берегу реки, где хорошо продувалось от назойливых комаров. Ровно в десять, без задержки (не на работу) первыми прибыли на легковых иномарках с водителями представители администрации завода, вся головка: директор, его зам, главбух, отдел кадров, профком, начальники служб – всего человек пятнадцать. Расселись, оказалось не тесно. На красивой скатерти среди обилия разносолов Пашкино произведение даже в закопченной кастрюле выступало гвоздём программы: юшка шла «на ура» – отдуваясь и вытирая пот, шумно просили добавки – «на бис». Ко многим деликатесам – сыр с плесенью, оливки с анчоусами – даже не притронулись – приелось. Вскоре на дне кастрюли осталась одна гуща – это ли не успех!

К полудню, как и намечалось, на заводском автобусе в клубах пыли подтянулись начальники цехов, участков, мастера. Некоторые пожаловали с жёнами.

Очень скоро к импровизированной кухне, где, хоть и без поварского колпака и передника, но всё же уверенно, хозяйничал Пашка, валяжной морской походкой подошёл

начальник транспортного. В нарочито сдвинутой набекрень светлой капитанской фуражке и тельняшке, приветливо улыбаясь, он вкрадчиво, как дипломат, зашёл издалека:

– Здравствуй, Паша, как справляешься по камбузу?

– О! Николай Николаевич, привет! Спасибо, вашими молитвами, справляемся помаленьку, – отшутился Пашка. Но расслабляться было рано.

– Так, так... Послушай: Наталья Сергеевна из бухгалтерии расхвалила твою уху, отменная, говорит, штука. Не угостишь? – уже без обиняков, напрямую поинтересовался «дипломат».

– Так всю прикончили, Николай Николаевич. Вот собрался посуду мыть, воду в ведре грею, – конфузливо развёл руками старший по камбузу.

– Ну-у, Паша! Из резерва ставки парутройку мисочек на всех, по старой дружбе! Не откажи!

Вот те на! Отказывать было вовсе не в Пашкином характере, тем более такому человеку. Насчёт старой дружбы завгар, конечно, загнул на холодную, но вот совсем недавно, когда надо было перевезти тещу со всем скарбом из деревни, он действительно не отказал, уважил – выделил бортовую машину на целый день. Хороший человек, отказать никак нельзя! Пашка застыл в раздумье и растерянности.

Неожиданно его взор пал на облепленный мухами и осами тугой марлевой узелок с первой порцией рыбы. Эти отжимки были ниспосланы свыше.

– Подойдите через полчаса – что-нибудь придумаем, – заговорщицки доверительно прошептал воспрывший духом Пашка, не раскрывая секретов задуманного.

– Вот душа-человек! Не подведу – буду как штык!

И вот уже содержимое узелка повторно отправлено в кастрюлю с остатками прежней роскоши. Туда же ведро успевшей закипеть воды, соль, специи... Что бы ещё? На блюдечке томились забытые рыбы пузыри и щучьи печёнки, изрядно заветрившиеся

на солнцепёке. Эврика! На этот раз Пашка действительно колдовал: перетёртая с луком в однородную кашлицу, эта заправка несомненно уступала легендарной налимьей максе, но на безрыбье...

Через полчаса обильно сдобренная мелко пошинкованной зеленью реанимированная уха второго замеса, как ни странно, источала приятный аромат и на вкус оказалась вполне съедобной.

– Вот, Паша, спасибо! Вот уважил, так уважил! Душа-человек! – довольно приговаривал раскрасневшийся от горячего и горячительного Николай Николаевич, наливая Пашке полный стакан зубровки. – С праздником!

Пашка выпил, но только половину – всю не потянул.

* * *

В это время из открытых окон приближающегося к базе отдыха заводского автобуса донёлся нестройный хор потраченных крепким табаком и палёным алкоголем голосов под аккомпанемент разудалой гармошки, отчаянно фальшивившей запавшей на одной ноте кнопкой. К месту празднества доставили наконец-таки обычных работяг: слесарей, сварщиков, крановщиков...

Рабочая косточка по дороге не теряла времени даром, создавая атмосферу приподнятого настроения собственными силами: при каждом торможении по салону перекачивались уже опорожненные бутылки, грохоча и позванивая.

Пашка понял: и на этот раз не отвертеться. Покорный судьбе, он вылил в висевшую над непотухающим костром кастрюлю очередное ведро воды, осознавая: придётся сотворить чудо, подобное библейскому.

И чудо свершилось. Для этого кощунства пригодились остатки с барского стола: в ход пошли недоеденные куски красной рыбы, анчоусы и даже сыр пармезан, который с благородной плесенью.

Два пакетика перловки, четыре сочных помидора и много перца и зелени призваны были окончательно облагородить то варево, которое язык уже не поворачивался

называть ухой. То и дело усталый повар задумывал помешивать в кастрюле, не зная накипи. Его фантазия иссякла, он чувствовал себя опустошённым.

– Эх! Прими, душа, и эту каплю! – решительно воскликнул Пашка, обращаясь к бурлящей кастрюле, и жертвенно вылил в её кипящее жерло недопитую им зубровку.

Это был последний штрих мастера, так сказать, вишенка на торт.

Всё, готово!

Непритязательная публика к кастрюле протянулась с охотой, и, на удивление скоро, та вновь опустела. Обиженно дули губы и косо смотрели те, кому не хватило.

Последняя миска, неполная, досталась тому самому поэту, местной знаменитости, принимавшему посильное участие в праздничном мероприятии в качестве гостя.

– Как называется это волшебное блюдо? – отведав, интеллигентно полюбопытствовал гость, изрядно потрепанный не столько самой жизнью, сколько его к ней философским отношением: ничто не вечно, жизнь – копеечка, не хлебом единым.

– Уха тройная, фирменная, – скрепя сердце переступил через себя автор кулинарного изыска, тщательно подыскивая слова. – Подаётся не каждому, только избранным. Рецепт запатентован и засекречен. Короче – пища богов, кушайте на здоровье! – закончил Пашка тираду, сам удивляясь своему красноречию.

– Божественно! Божественно! – причмокивая, согласился поэт и вежливо попросил кусочек хлеба, малодушно нарушив один из жизненных постулатов.

Ему дали большой ломоть – не жалко.

Когда Пашка уже домывал посуду, со стороны эстрадных подмостков грянул туш и послышались аплодисменты – передовиков награждали грамотами и ценными подарками.

Ни того, ни другого сторожу не досталось – довольствовался Пашка тощим томиком стихов, который, после столь непродолжительного, но обоюдоприятного общения, ему преподнёс сам автор, с дарственной надписью, такой уважительной и душевной.